

Творческий портрет

ФОРМУЛА ГОРЕНИЯ

дние песню поют, — забыв обо всем.

ВОТ УЖЕ больше четырех веков годы артиста Богданова только театральные звонки отсчитывают: первый, второй, третий — «Баш выходи!». Последние пятнадцать лет Валентин Николаевич работает в Севастополе, на сцене флотского театра. Этапными для себя считает роли Семена Давыдова из «Поднятой целины», Сирано де Бержера из одноименной пьесы Э. Ростана, адмирала Нахимова из «Малахова кургана» В. Панкова, генерала Батюка из пьесы К. Симонова «Завтра в семь».

С той поры старался не пропускать спектакли, если знал, что в них занят артист Богданов: каждая встреча обещала продолжение разговора на волнующую его, художника, тему — о месте человека в замле, его назначении и ответственности. Разговора, который не мог оставить равнодушным, безучастным и меня, зрителя.

В эти дни Валентину Богданову исполнилось 50 лет — рубеж на жизненном пути, когда, как говорится, не грех и оглянуться на прошленного его отрезок.

— Попробуем это сделать в форме прямого диалога: актер — зритель? — предложил я. Валентин Николаевич усмехнулся:

— Значит, опять: наедине... со всеми?

— Вы как-то говорили, что зрителный зал для актера — это его совесть. Следовательно...

— Жизнь — не театр. Хотя один из героев Шекспира, помнится, и утверждал обратное.

— Кстати, а с чего начался театр в вашей биографии?

— С проповеди на вступительных экзаменах в школу-студию МХАТа. Получил тройку за сочинение — грамматика подвела. Вот тогда я и понял: театр — это не фотографии в киосках, а груд неизвестный. Сибиряк я, к серезному труду с военного малолетства привычен, потому и проникся уважением к своей будущей профессии. Начал работать, как у нас на ро-

стаст перед нами как своеобразный символ русского характера, характера неуемного, бунтарского, способного на героические дела и подвиги. Сцена гибели Тихона, водрузившего российское знамя над неприятельскими укреплениями, глубоко потрясает зрителей, и они награждают актера бурными аплодисментами...

— Память тех, кто видел и пережил войну, и память людей, войны не знавших, разного свойства. Вам, Валентин Николаевич, как актеру приходится жить «чужой» памятью, «чужой» болью. С чем вы выходите на сцену, какую цель ставите в этом случае перед собой?

— Мой дед, кузнец, был первооткрывщиком земли на Южном Урале, где позже выросло село моего детства Варгашин. Отец, учитель, погиб на фронте, защищая эту землю. Вот какое наследиеличное, не чужое — завещано мне и двум моим братьям. Одия из них стал педагогом, другой — писателем. Сам я молотобойцем начинаний: с 16 лет в кузнице работал. Мать долго не верила в меня как в артиста. Пока не увидела в спектакле «Все мои сыновья»: в нем я впервые под ногами живую землю ощущал... Наверно, это и есть единственный достойная правда памяти: действительно наследуя опыт прошлого, укрепляя животворные силы настоящего. Иначе зачем она — память? А без нее нет у жизни продолжения. Удается «зарядить» зрителя этой правдой — я счастлив, нет — чувствуя себя виноватым, опустошенным.

— А какое из этих чувств вам более знакомо?

— Неудовлетворенность. Когда играешь в безнадежных, пустых спектаклях. Без сверхзадачи. Есть сюжет, текст, грим... А чего нет? Как объяснить? Нет взгляда на нашу землю, нет ощущения смертности и вечности человека, нет любви к нему, нет чувства собственного интеллекта или величия, нет мольбы: «будьте лучше!» или «будьте прокляты!». Вот это все есть сверхзадача. Без этого — ремесло.

— Как сложился для вас новый сезон?

— Полгода репетировали, четыре роли сделал, а практически ничего не играл: спектакль «Вызываются Крижевский» прошел всего один раз, «Жанна» — два, «Монолог на площади» — пять, «На флаг и гой» — чуть больше, но может ли это быть утешением? В молодости нам кажется: мы все можем. Зритель видит искренне работы, но потом понимает, что любой это не пережито, идет игра и все. Знание и опыт приходят уже с годами. И в этот вот момент актеру очень нужна, промоутерская необходима колоссальная нагрузка. Ведь то, что я, актер, могу сказать сейчас, завтра может стать уже ненужным. Да и я не смогу уже это сказать: роль должна жечь — иначе она мертва. А зрителям нужно, чтобы мы не молчали, чтобы каждый из нас говорил по-своему и о своем.

ДА УЖЕ никого не сможет «сказать» со сцены о «своем» Теркине артист В. Богданов. А ведь десять лет жил этим образом, всю поэму наизусть выучил. Не первый год ждет и постановки «Иванова» А. Чехова. Ждет — это значит с присущей ему истовостью продолжает свой долгий и неустанный труд поживанию в материале пьесы и роли, по сохранению в «полней боевой готовности» актерской формы... Дождется ли? А пока заполняет невозвратное время простотой тем, что читает и перечитывает Достоевского, Горького, Астафьева, «прицеливается» к их героям, размышляет о возможностях инсценировки. Благо, опыт какой-никакой уже есть: между делом — не сидеть же сложа руки! — написал инсценировку по роману Э. Трю «За два часа до темноты». Рецензент министерства культуры УССР, народный артист республики Н. Равицкий прислал ободряющий отзыв: «Инсценизация... рождает ощущение подлинной правды. Мы видим характеры людей, их помыслы, отношение к бурным событиям на подводной лодке, когда... человечество могло быть вовлечено в бездну третьей мировой войны...»

«Неспокойный человек», — услышал я однажды в театре реплику по адресу Богданова. И не понять было, что скрывалось за ней — хула или похвала.

Неспокойный? Да нет — неуспокоенный. Замечательное свойство характера истинно творческого человека! Кто такой актер? Что такое его роли, его жизнь? Ответ — в поэтической формуле Э. Мейслайтиса:

Стремиться от солнца
к солнцу,

Стремиться... и не достичь...
Обжигающая формула одержимости, «пароль» единомышленников: каждый человек — если он по натуре своей творец — может сказать так о своей работе, о своей жизни...

Ю. ЖУЧКОВ.

Фото В. Денина.